

*И.К. Пантин***Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен?**

Сразу же подчеркнем: выбранный в качестве заголовка статьи набор вопросов сформулирован не автором, он повторяет название темы одного из межсекционных заседаний на III Всероссийском конгрессе политологов. Самое парадоксальное заключается в том, что на каждый из вопросов можно дать положительный ответ. В каком-то смысле (об этом пойдет речь в статье) демократический выбор России сделан, в другом – отсрочен, в третьем – отменен. Как ни странно, но любому из этих ответов соответствует позиция и идеология какой-то части российского политического класса, за каждым стоят социальные группы и определенные представления о будущем нашей страны. За подобного рода неоднозначностью скрывается реальность: выбор россиян не стал, да, пожалуй, и не мог стать принятым решением всех или большинства. Процесс трансформации старой политической системы в новую, как правило, асинхронен: демократический выбор раньше всего выражается в создании представительных институтов, формировании системы партий, проведении свободных, альтернативных выборов; затем – в идеологической сфере, где еще некоторое время имеют место разнонаправленные тенденции; лишь значительно позже начинаются изменения, затрагивающие духовную сферу, менталитет народа. В России, как нигде в другой стране, очевидна справедливость той истины, что свобода, как и демократия – не просто естественная данность, а результат становления, развития. Свободными не рождаются, а становятся. А раз это так, то любому обществу, в особенности российскому, предстоит проделать свой нелегкий путь к свободе и демократии, прежде чем они наполнятся

конкретным содержанием. Короче, выбор приходится рассматривать как сложное многомерное явление: что-то ушло вперед, что-то догоняет, что-то активно сопротивляется новому.

Все в России сегодня осознают или чувствуют, что исторический вектор движения огромной страны поменялся, стал другим. Однако относительно того, *куда* мы идем, каким должно быть будущее страны, существует множество противоречивых, а порой и взаимоисключающих мнений. Примирить их почти невозможно ни с помощью политической науки – «вопрососпособность» в ней явно превалирует над «ответоспособностью», – ни с помощью существующих в нашей стране партийных идеологий и программ. Для того чтобы появились действительные решения и политические механизмы, способные преобразовать общие условия нынешней жизни людей, в стране должно появиться общественное движение – не по этикетке только, а по существу. Как появляются, развиваются подобные движения, в каких условиях утрачивают свое политическое качество, мы попытаемся рассмотреть на примере событий в России, происходивших конце XX – начале XXI вв.

Как это было...

Прежде всего в понимание целого придется ввести историческую составляющую нашего недавнего прошлого. Возмущенные вероломством коммунистических заговорщиков, сотни тысяч людей вышли в августе 1991 г. на улицы Москвы и Ленинграда, чтобы не дать «хунте» (ГКЧП) повернуть колесо российской истории вспять, к прежним коммунистическим порядкам. Эти люди не были демократами по убеждению, сформированному опытом и изучением политических явлений. Их демократизм был скорее чувством, верой, активным протестом, чем продуманной позицией, а тем более – идеологией. Собравшись 20 августа 1991 г. у Белого Дома, они своим сопротивлением хотели доказать и доказали коммунистической «хунте», что единственный источник власти – народ, который сам способен выразить собственную волю.

Впервые после 1905 г. требования свободы, прав личности и суверенитета народа стали делом населения, пусть даже его меньшинства, а не диссидентов или интеллигентских групп. Ощуще-

ние первейшей ценности свободы на миг охватило широкие слои советского (тогда еще советского!) народа, породив стремление бороться за свою самостоятельность. Миллионы людей, озабоченных лишь проблемами непосредственного существования, неожиданно поднялись до понимания связи между улучшением условий своей жизни, уважением своих прав и политической свободой, демократией.

Коммунистический режим рухнул. Он не был свергнут в ходе массового политического движения, а как бы «просел» под тяжестью собственных противоречий. Власть буквально упала к ногам демократов и (в союзных республиках) националистов. Целое поколение либерально настроенных интеллигентов, представителей партийной и советской номенклатуры, втайне ожидавшее наступления кризиса и обсуждавшее его на кухнях, склонное к упрощению идей преобразования и идеализации Запада, внезапно, по стечению обстоятельств, оказалось в Москве и Ленинграде во главе сопротивления путчистам. Провал путча открыл этому поколению двери в общественно-политическую жизнь, а затем и во власть. То, что в других странах являлось итогом тяжелой и упорной борьбы, подготовленной предшествующими революциями, в России было получено – вернее, казалось полученным – в одно мгновение в результате натиска на коммунистический ГКЧП, незаконно (даже по советским законам) присвоивший себе власть.

Однако действительность оказалась иной, совсем не похожей на то, что представляли себе участники событий августа 1991 г. Получив в 1991 г. неожиданно для себя власть в стране и не имея сколько-нибудь реальных планов по построению нового общества (плюс отсутствие массовой поддержки), либералы и демократы-антикоммунисты России попали в импровизаторский и демагогический циклон. Вместо трезвого анализа переживаемого страной хаоса, связанного с весьма своеобразным «первоначальным накоплением капитала», с коренной ломкой уклада жизни десятков миллионов людей, с ростом сепаратистских настроений, Б.Ельцин и его администрация, насколько это было возможно, отворачивались от действительности, тешили себя и других иллюзиями, будто знают выход из тяжелейшего кризиса. Рынок все устроит и все расставит по своим местам – эта идеология ориентировала ельцинскую администрацию и либералов из интеллигенции на оппортунизм по

отношению к «новым русским» и их криминальному богатству. В результате последовали реформы Т.Гайдара, которые стали худшими из всех возможных вариантов выхода. Ни для ни кого не была секретом сила коммунистических привычек и традиций в массе населения. Однако бороться с ними первые демократы предполагали старыми способами: пытаясь ввести закон о люстрации, грозя судом над КПСС, над И.Сталиным и т. п. Момент «снятия» (в гегелевском смысле этого слова) просто игнорировался нашими радикалами: социализм выступал для них в одном-единственном ракурсе – иррационального вторжения в историю и жизнь страны внешних и чуждых для нее факторов. Они не сумели понять, что отвергаемый ими социализм поднял ряд важнейших проблем российского общества, которые он, разумеется, не решил и решить не мог, но с которыми предстояло столкнуться российской демократии и вслед за тем решать их новыми средствами, на новой почве.

В итоге российская демократия, рванувшись напрямик из пролога в последний акт (нужно «устроить все, как на передовом Западе», – не меньше), застряла на начальных ступенях преобразований, не решила ряда важнейших проблем политического и социального переустройства страны. Главное, что не удалось сделать демократическим силам в России, – это изменить сложившиеся веками отношения между властью и обществом. Как и раньше, новая власть оказалась закрытой от общественного мнения и гражданского общества, насколько оно себя проявляло. Как и раньше, выбранные на альтернативной основе «слуги народа» быстро превратились в центре и на местах в повелителей, стоящих над народом, над которыми не властен ни закон, ни обычай. В такой обстановке, когда никто не огражден от произвола администрации, выборной или невыборной – все равно, европейские демократические учреждения потеряли свой прогрессивный, цивилизующий характер и стали служить привычному рутинно-бюрократическому порядку дел.

Подтверждением отката первой демократической волны стали исчезновение с политической арены «Демократической России» – организации, которая была стержнем массового сопротивления в августе 1991 г., обстрел Белого Дома в октябре 1993 г., разграбление государственной собственности путем ваучерной приватизации, залоговых аукционов, намеренного обанкрочивания предприятий

«новыми русскими», резкое падение жизненного уровня трудящихся, разрушение социальной и экономической инфраструктуры и т. п. И все это происходило на фоне развала народного хозяйства, массовой «утечки мозгов», безудержного обогащения нуворишей, названных «олигархами», увеличения их влияния на центральную и региональную власти, невиданной ранее коррупции чиновничьего аппарата, гигантского роста криминала при полной неспособности государства справиться с ним, и т. д. и т. п.

Было бы нелепо, говоря об откате демократической волны, не учитывать некоторые особенности нашего недавнего прошлого. Ни в одной стране не было такой плотности, такой универсальности тоталитарных связей, пронизывавших все сферы общественной жизни, как в СССР/России. Ни в одной из европейских стран не сохранилось народной культуры, сформировавшейся до частной собственности и в противовес ее морали. А если добавить к этому государственную собственность на все средства производства, исключаящую любые законные формы частного бизнеса, вспомнить о господстве военно-промышленного комплекса в экономике, громадной армии, разветвленном аппарате КГБ, идеологической и политической монополии КПСС, то станет ясно, что демократии, перенесенной с Запада, так же, как и капитализму, предстоит укореняться и прорастать в России на весьма каменистой почве.

И все-таки не только факторы исторического порядка встали на пути демократического политического и общественного строя в России. Причины, думается, лежат глубже. Они связаны с условиями, в которых произошел политический переворот, с характером сил, перехвативших политическую инициативу, наконец, с проблемами, которые предстояло решить. В отличие от ряда крупных общественных переворотов прошлого, например, Великой французской революции, эпохе нынешних реформ в России, предполагавшей резкий разрыв с накопленным историческим опытом, не предшествовала революция в умах и нравах, в мышлении. Разумеется, в России были *просветители*, люди, по складу своего ума стремившиеся к полноте всеобъемлющего понимания явлений жизни, к проникновению в «причины причин» политического развития страны после 1917 г., которое образовало эпоху в российской и мировой истории и одновременно обусловило тупики нашего сегодняшнего существования. Были просветители, но не

существовало *Просвещения*, готовившего общество к переменам. Вот почему историческая специфика предстоявшего переворота не была в нужной мере осмыслена, отрафлексирована так же, как не были вполне продуманы ни задачи реформирования государства и общества, ни план демократизации. Отсюда судорожные, далеко не всегда плодотворные попытки найти точку опоры в западном опыте – европейском и американском. В известной мере они были неизбежными, поскольку в России практически отсутствовала собственная демократическая традиция (народничество не в счет). Забывали, однако, что всякая демократия, опираясь на чужой опыт, должна быть ориентирована на свои национальные проблемы.

Далее. Россия приступила к реформам, сделала выбор в отсутствие общественного субъекта преобразований. Ни одно общественное движение, ни одна политическая партия (я уже не говорю о группах населения) не дотягивали до политической, культурной гегемонии. Наоборот, в обстановке хаоса и деморализации, охватившей население в годы «шоковой терапии», происходит отток активных, т. е. демократических элементов из сферы политики, их место занимает новый «политический класс» – журналисты, юристы, люди, получившие «должность» после переворота, аферисты и т. п. Потребность, толкавшая разные силы на борьбу с коммунизмом, была общей, однако взгляды на будущее и далекое, и близкое существенно разнились, а иногда и радикально противоречили друг другу. Антикоммунизм, объединивший на время все мало-мальски активные слои общества, по определению не способен был стать эффективным средством демократизации, вывести большинство простых людей из состояния пассивности и направить их в организованное и цивилизованное русло освободительного движения. Более того, антикоммунизм сеял иллюзии легкости движения к демократии, сбивал людей с пути, поскольку пристегивал их фантазии и ум к утилитарным ценностям западного образа жизни, обуржуазивал – в худшем смысле этого слова – сознание масс, побуждая активные слои общества стремиться не к лучшему политическому и социальному порядку, а к вульгарному личному обогащению, «прихватизации».

В итоге во главе преобразований, называвшихся то либеральными, то демократическими, встали общественные силы, интерес которых заключался главным образом в разрушении старой эконо-

мики и в приватизации государственной собственности. Демократизация поменяла свое содержание, она стала прикрытием своекорыстных устремлений определенного слоя людей, использовавших бюрократический аппарат государства в целях собственного обогащения. При этом способы «демократического» грабежа государственной собственности не имели значения: они могли быть «законными», а если надо, то и криминальными.

Ужасающими выглядят и последствия подобного рода «реформ». Десятки миллионов людей, насильственно *вброшенные* в рыночные отношения, без средств к существованию, без опыта, без поддержки государства, вынуждены были во имя выживания действовать на свой страх и риск. Сотни тысяч пошли в криминал, чтобы погибнуть в бесчисленных бандитских разборках и в столкновениях с милицией. В стране полупатриархальной морали за три-четыре года сформировался огромный рынок проституции. Казино, ночные клубы, «массажные» салоны росли, как грибы после дождя. Промышленное производство топталось на месте, более того, стагнировало. Рабочих и служащих увольняли. Квалифицированные кадры сотен НИИ очутились на улице. Миллионы людей превратились в «челноков», торгуя товарами из Турции, Польши, Китая. Бывшие «теневики», кооператоры, подпольные миллионеры с помощью подкупленных чиновников за бесценок приватизировали «бесхозное» государственное имущество: заводы, шахты, магазины и т. п. Жульническая ваучеризация (вклад государства в ограбление своих граждан), всевозможные финансовые пирамиды, создававшиеся при попустительстве власти с целью изъять у населения последние накопления, подставные фирмы, куда переводились полученные «грязные» деньги, разрушение социальной инфраструктуры, созданной при советской власти, духовный кризис и деморализация народа – вот что стояло у истоков современного российского капитализма. И если в развитом состоянии затушевываются черты генезиса, что происходит у нас на глазах с российским капитализмом, то многие «родимые пятна» его криминального происхождения еще долгое время будут напоминать о себе обществу.

«Демократизация» 90-х гг. XX в. расколола российское общество на две неравные части. С одной стороны, это слой крупных собственников («олигархи»), часть чиновников, сконцентрировав-

ших в своих руках огромные богатства и, главное, контроль над важнейшими сферами экономической и общественной жизни; с другой – основная масса населения с мизерными доходами, бесправная перед чиновничьим произволом. Сгладить эту поляризацию общества могли бы средние слои, но их формированию мешало и мешает до сих пор коррумпированное чиновничество и криминал – оборотная сторона политической монополии крупного капитала. Таким образом, политический и социальный прогресс, осуществляемый «сверху», административно, стал реальностью. Государственный аппарат стал *сам себя реформировать*, разумеется, по правилам чиновничьей логики и в противовес интересам общества. Новое государство, мыслившееся как подотчетное и подконтрольное гражданскому обществу, народу, стало самостоятельной, самодовлеющей силой, стоящей над обществом, над народом.

Выбор россиян в контексте мирового развития

А теперь от описания событий начала политических перемен в стране перейдем к *политико-философскому* осмыслению произошедшего исторического сдвига, его проблем и противоречий под углом зрения и в контексте всемирного развития. Такого рода рассмотрение проблемы небезразлично для понимания существа и объективного содержания политической эволюции совершающегося в нашей стране. Подчеркнем прежде всего: воздействие исторической среды – международных отношений, экономических и культурных связей – играет сегодня огромную роль в победе того или иного вектора развития страны. Россия в этом смысле не исключение: в эпоху глобализации мира эволюция нашей экономики должна соответствовать мировым тенденциям. Экономические отношения с Западной Европой, США, шире – со всем миром, культурные взаимосвязи, торговля, обмен передовыми технологиями, опытом хозяйствования составляют в своей совокупности важнейший, но отнюдь не однозначный фактор исторического развития любой страны. В этом смысле можно говорить об определенной, хотя и ассиметричной корреляции развития Запада и России. Но проблема соотношения Запад – Россия неизмеримо сложнее, чем

это кажется нынешним «западникам» и «почвенникам». Современный глобализированный социум с его всесторонними экономическими и культурными связями между странами заставляет народы – иногда во имя сохранения самобытности! – быстро перенимать опыт и достижения Запада и Востока, перерабатывая их в соответствии со своими потребностями и внутренними условиями, историческими и этнонациональными особенностями, менталитетом населения, наконец. Формируется совершенно иной тип разнообразия, когда каждая страна или группа стран выступают в качестве исторически особой и вместе с тем интегральной части всемирного целого. Различия, связанные с преобразованием стихийных географических и естественно-исторических условий, с автохтонностью развития, отступают на второй план.

Сказанное нельзя понимать в том смысле, что глобальная капиталистическая экономика обуславливает неизбежность перехода всех стран к демократическим режимам. Это далеко не так. Все зависит от исторического и социокультурного развития народа, от его способности вбирать и перерабатывать опыт стран и народов, ушедших вперед. В одних странах, таких, например, как Россия, воздействия исторической среды *катализировало* разложение старой государственно-бюрократической организации общества, благодаря чему процесс распада старых форм значительно обогнал рождение новых, демократических. В других странах (Китай) коммунистический режим, сумевший приспособиться к современному капиталистическому развитию, укрепил, по крайней мере на время, свои позиции, получив пространство для социального маневра. Вот почему так важно понять, *как* именно тот или иной народ подошел к переменам, *какое содержание* он вкладывает в понятие «демократические преобразования». Короче, реализация социальных и политических реформ – это конфликт и равнодействующая разных, порой противоборствующих тенденций, итог борьбы которых предвидеть заранее невозможно.

Не только воздействие Запада (экономическое, культурное) определило крах командно-административной экономики и политических отношений в России, хотя оно и сыграло существенную роль. С высоты сегодняшнего дня становится очевидным, что кризис, разразившийся в России в конце XX в., **носил не столько политический, сколько системно-экономический характер**. Если не

обольщаться демократической фразеологией, а вдуматься в суть перемен, последовавших за августовским переворотом, то станет очевидным, что значение 1991 г. в связке с 1993-м в итоге сводится не столько к демократизации страны (здесь как раз сделано очень мало), сколько к решению вопроса, важнейшего для России: какая экономика – рыночная, капиталистическая или командно-административная, «социалистическая» – соответствует реалиям конца XX – **начала XXI в., положению страны в глобализованном мире?** Ход событий у нас в стране и в мире поставил под вопрос само интегрировавшее общество основание – тотальное огосударствление экономики. Государственная форма собственности и централизация народного хозяйства, послужившие в 20–30-х гг. XX в., несмотря ни на что, орудием модернизации производства и создания индустриального могущества СССР, в конце столетия превратились в оковы для поступательного движения общества, стали решающим фактором экономического застоя, нетерпимого на фоне экономических успехов стран Запада. Обновление экономики страны на базе рыночных отношений стало неустранимой потребностью, порождая системный кризис старого «социалистического», а на деле командно-административного общества.

Переход к рыночной экономике и капитализму в современной России имеет ряд особенностей. Прежде всего он был вызван скорее *экономической* необходимостью, нежели *исторической*. Эффективная неизбежность рыночной, капиталистической экономики обуславливалась в конечном счете невозможностью иной, антирыночной, тотально огосударственной. В самом деле, страна с непропорционально раздутым военно-промышленным комплексом просто-напросто не могла дальше развиваться, опираясь только на свои собственные экономические ресурсы. Обострившаяся продовольственная проблема – результат коллективизации сельского хозяйства в конце 20–30-х гг. XX в. – заставила закупать зерно за рубежом. Для этого понадобились валютные резервы, но они-то оказались практически исчерпаны к концу 1980-х гг., так как к этому времени резко упали цены на нефть – главный источник пополнения запасов валюты. Что касается экспортной промышленной продукции, то она была неконкурентоспособной на мировых рынках. «Железный занавес», отгородивший СССР от остального мира, сыграл с нашей страной злую шутку: с каждым годом мы все больше и боль-

ше отставали от экономически развитых стран. В эпоху высоких технологий и научно-технического прогресса страна по-прежнему наращивала свой экономический потенциал за счет увеличения производства стали, угля, нефти и т. п. Прервать эту инерцию экстенсивного развития можно было лишь одним путем – покончить с «холодной войной» и, сломав «железный занавес», наладить нормальные экономические отношения со всеми странами мира.

Несовпадение экономической и исторической составляющих генезиса российского капитализма оказало решающее воздействие на форму перехода к капитализму. Когда буржуазные экономические преобразования становятся неустранимыми, а общество в силу своих исторических традиций (Октябрьская революция 1917 г., носившая, несмотря ни на что, народный характер), воспоминаний о недавнем прошлом (победа Советского Союза над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.), наконец, в силу природы коммунистического режима, обрекавшего народ на политическую неразвитость, оказывается неготовым к радикальным переменам, тогда экономическая необходимость прокладывает себе дорогу через крайне болезненное для масс разрушение старой социальной формы действиями сил, прежде всего государственной власти, оказавшихся на высоте назревшей исторической задачи.

Словом, как это не раз бывало в истории России, потребность в реформах, обусловленная воздействием внешних, европейских и общемировых тенденций, сложилась *прежде*, чем общество, его передовые силы созрели для кардинальных перемен, тем более проводимых демократическим путем. А потому, как и раньше, инициативу преобразований перехватила государственная власть в лице ее высших звеньев. Отсюда ограниченный характер реформ и бюрократический способ их проведения.

Нужно отметить, что российский вариант «ускорения истории» связан прежде всего с чередой революций «сверху». Не противоречат этому утверждению и три русских революции (на деле это были три этапа одной и той же революции): гигантский выплеск народной энергии был канализирован большевиками и вылился в самую разрушительную для народа форму модернизации – форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию крестьянства. В основе такого рода общественной и экономической модернизации («европеизации»), как правило, лежала инициатива

государственной власти, ее высших звеньев. Петр I не просто «про-рубил окно в Европу», он задал своеобразную матрицу прогрессивного движения России. А. Герцен назвал ее «петроградизмом», а мы – «революцией сверху», «догоняющим» развитием. С Петра начинается специфически российский способ «европеизации» страны, когда власть, *лома*я прежний уклад жизни населения, искусственно *насаждает* новые сообразные с Западом формы отношений в обществе и экономике. Интересы развития страны вырываются из сферы самодеятельности общества и противопоставляются ему в качестве предметов правительственных мероприятий. Менялись «формации», системы, режимы, но административно-принудительный характер модернизации страны оставался прежним.

В основе такого рода движения по «перевернутой» схеме, когда на роль субъекта преобразований выдвигается государственная власть, лежали слабость, неразвитость общественных сил, чьи интересы совпадали с переменами, вынужденный, недобровольный характер проводимых реформ (иногда под угрозой национальной катастрофы), наконец, политическая апатия основной массы населения. Но не только это. На протяжении трех последних столетий потребность в реформах была обусловлена воздействием сил европейского (в конце XX в. – **мирового**) масштаба, причем складывалась она, как правило, раньше, чем народ созрел для перемен, и независимо от его осознанных потребностей. Вот почему «верхи» (власть, элиты), а не «низы» (общество, народ) оказывались на высоте исторической задачи. Отсюда «искусственные» способы внедрения нового в социальный организм. Насаждение крупной промышленности самодержавием в пореформенные десятилетия XIX в., сталинская форсированная индустриализация страны, либеральные реформы и «шоковая терапия» 90-х гг. XX в. – все это этапы становления России как современного государства. Все они связаны с громадными бедствиями для народа, поскольку государство, присвоившее себе право вести по пути прогресса массы, еще не готовые к самостоятельному выбору, способно прокладывать этот путь только с помощью принуждения «сверху».

Здесь не место анализировать такой тип движения. Подчеркнем лишь, что он диктовался необходимостью для России проделать за три – четыре десятилетия путь, который западные страны проходили столетиями.

Движение по «перевернутой» схеме – сначала инициатива «верхов», затем преобразование с помощью рычагов государственной власти социальных отношений и экономики, создание на этой основе предпосылок для рывка вперед – такая форма движения, как показывает исторический опыт и России, и других стран, далеко не оптимальна. Более того, продвигая страну вперед, она чревата серьезными опасностями и тупиками. Во-первых, в отсутствие серьезной политической оппозиции начинаниям «верхов» реформа приобретает односторонне-бюрократический, а порой и разрушительный характер, порождает глубокие внутренние разломы в обществе. Во-вторых, модернизация *вдогонку* Западу не считается с социально-культурной спецификой страны, ее прошлым, третируя их как подлежащий упразднению анахронизм. Внедряемые «наскором» (В.Ключевский) «западные» элементы разрушают системную целостность сложившейся цивилизации, деформируют ее, порождая скорее новые трудности и проблемы, нежели решая старые.

Все это придавало и придает российскому государству особый характер, отличный от европейского, который только отчасти передается понятием империи. Вообще говоря, это не государство в собственном смысле слова, а своеобразный «социум власти» (М.Гефтер), стягивающий к себе огромную сумму интересов и лиц и управляющий страной с помощью бюрократического механизма. Предпосылкой его существования являлись и являются, без сомнения, слабость гражданского общества, рыхлость и бесформенность действительного общественного организма, беспомощность и несамостоятельность движений «снизу».

Когда-то великий русский демократ Н.Г.Чернышевский писал в подцензурной статье «Франция при Людовике-Наполеоне», прозрачно намекая при этом на Россию: «Столетия, проведенные под управлением произвола, до такой степени вкоренили в умах французов (конечно же, русских, – понимал читатель. – И.П.) мысль о его необходимости, что, желая произвести реформы, они постоянно впадали в роковую ошибку, в ложное убеждение, что нужно только заменить старую власть новой властью и на эту новую власть перенести все те чрезмерные права, которые принадлежали старой»¹. Не случайно поэтому основной своей задачей Чернышевский считал борьбу с распространенным в российском обществе предрассудком, «будто государственная власть может

заменить собой результаты индивидуальных усилий в общественных делах», воспитание у нарождавшейся русской демократии чувства «гражданской самостоятельности, которое только одно может упрочить здоровье нации»². К сожалению, участие рядовых граждан в общественных делах так и не стало ведущей ценностью в теоретических построениях российских либералов и демократов. Им казалось, что замена старой власти новой *сама по себе*, без привлечения в политическую жизнь массовых сил, без коренного расширения сферы сознательной общественной деятельности способна обеспечить демократические перемены в стране. Итог российской политической традиции, связывающей любые перемены в обществе только с инициативой государственной власти, тяготело над демократами 1990-х гг. точно так же, как когда-то над русскими либералами, а затем народолюбцами и большевиками.

Но не только несовпадение экономической и исторической (политической) составляющих оказало воздействие на способы проведения демократических реформ в России. Немалое значение имел характер сил, выступивших за обновление страны, их идеологические установки.

В свое время, в конце 20 – начале 30-х гг. XX в., А.Грамши предвосхитил появление ситуаций, подобных российской. В своих «Тюремных тетрадах» он писал, что далеко не всегда «движущая сила прогресса» будет совпадать с «широким экономическим движением» в данной стране. В условиях экономического и культурного взаимодействия между странами носителем новых идей и освободительного импульса может быть «не экономическая группа» (класс), а «слой интеллигенции». И тут же глубокое и тонкое замечание: в этом случае «понимание пропагандируемого государства видоизменяется: оно понимается как вещь в себе, как рациональный абсолютизм»³.

Системный кризис, охвативший страну в конце 1980 – начале 1990-х гг., и массовое недовольство населения коммунистическим режимом благоприятствовали выдвижению интеллигенции и части номенклатуры на роль авангарда движения за свободу и демократию. Свержение коммунизма давало интеллигенции надежду преодолеть, наконец, болезненный разрыв между усвоенными ею либеральными, гуманистическими принципами и существовавшей политической практикой. Разрыв этот существовал на протя-

жении всей истории России, но кризис КПСС и горбачевская перестройка придали ему особенно драматический характер. Для тех, кто протестовал против засилья партийной бюрократии, кто выступал за господство законности и обличал систему ГУЛАГа, падение коммунистического режима стало желанной отправной точкой надежд, к сожалению, преувеличенных, на быстрые перемены в стране и обществе в направлении либеральной демократии.

Однако, являясь носителем передовых европейских идей, интеллигенция, в силу своего положения, навыков, уклада жизни, наконец, нравственных принципов не смогла возглавить движение за демократию. Не смогла потому, во-первых, что демократического движения в собственном смысле этого слова в стране не существовало: оно возникло, но, к сожалению, не успело сформироваться к 1991 г., а позже оказалось «ненужным». Во-вторых, между интеллигенцией и простыми людьми в России на протяжении веков существовали достаточно сложные и противоречивые отношения. В силу ряда исторических обстоятельств: поляризации современных и традиционных секторов экономики в условиях «догоняющего» развития, европеизированного характера ценностей «культурного общества», господства традиционалистской и полутрадиционалистской культуры в массах и т. п. – российская интеллигенция очень редко находила в положении народа источник проблем, требующих изучения и разрешения. Неслучайно собственно демократическая идея в том виде, в каком она вошла в сознание российской интеллигенции 90-х гг. XX в., была скорее сколком с проблем и противоречий западного общества, чем отражением непосредственных нужд народа.

Слабость активных общественных сил, особенно в регионах, обусловила неспособность демократической интеллигенции ставить вопрос о будущем страны на основе конструктивной историко-политической программы, а не абстрактно, вообще, «как это делают во всем цивилизованном мире». Не стоит говорить уже о том, что появившуюся в 1989–1991 гг. народную инициативу некому было направить в позитивное русло. Идеология государства, наделенного сверхъестественными свойствами («рациональный абсолют»), стала оправданием и обоснованием такой позиции. И не случайно разработка программы преобразований была отдана на откуп правительственным чиновникам. Все это объясняет,

почему интеллигенция при всей ее энергии, искреннем порыве к переменам и антикоммунистическом настрое оказалась не в состоянии повлиять на ход реформ 1990-х гг. и, главное, на способ их проведения. Привычный способ действий власти в условиях политической пассивности населения вновь возобладавал в общественной жизни россиян.

Кроме названных двух, имеется еще третье, весьма немаловажное обстоятельство, определившее ход и исход демократических преобразований в России. Это – исторически сложившийся характер русского демократизма.

Потребность в демократическом устройстве вызревала в нашей стране существенно иначе, чем в большинстве стран Запада. Там борьбе за демократические институты, за всеобщее избирательное право предшествовало развитие либерального общества и капиталистических отношений. Поэтому и лозунг демократии был там не чем иным, как логическим развитием принципа свободы, родившегося *до* идеи демократии и независимо от нее. Демократия, обновляя и обогащая либеральную традицию, преодолевала раскол общества на бедных и очень богатых, утверждала политическую свободу для всех его членов, а не только для привилегированного меньшинства собственников. И даже рабочее движение, порой сливавшееся с другими освободительными движениями, порой же – через социализм – обособлявшееся от них, оказалось, несмотря ни на что, фактически дополнением к складывавшейся демократической традиции: оно доказало, что проблема свободы не может одинаковым образом стоять перед всеми классами, что реальная свобода для рабочего класса предполагает его экономическое, социальное и моральное возвышение.

Подчеркнем главное: в европейском демократизме идея свободы, гражданских прав была «намертво» вмонтирована в демократическую идеологию. Демократия без свободы, поддержанной экономическими и правовыми механизмами, не мыслилась ни либералами, ни консерваторами, ни социалистами.

По-иному дело обстояло в нашей стране, где демократизм начинался с признания необходимости решения в интересах большинства аграрного вопроса, создания условий, прежде всего материальных, для участия народа в политической жизни. Российская проблема для демократа, народника, большевика – это главным

образом проблема освобождения, не столько политического (часть демократов вообще выступала за уничтожение государства или за реформы, подобные петровским), сколько экономического. Без экономического освобождения народных масс в России невозможно было создать раскрепощенного индивида. Соответственно политическая программа русских демократов сводилась к тому, чтобы «по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве», причем, каким путем это сделать, «для них почти все равно». Демократ не должен останавливаться перед тем, чтобы «производить реформы с помощью материальной силы», он для реформ готов «пожертвовать и свободой слова, и конституционными реформами»⁴. Это было сказано революционным демократом Чернышевским в 1858 г.; практически именно он сформулировал основные пункты плебейски-крестьянского демократизма в России. Новации Ленина в пределах этой программы касались частностей – идея диктатуры пролетариата («наинижайших низов» населения) и Советы как новый тип управления, якобы более высокий, чем парламентаризм.

В этих условиях демократический и либеральный импульс вместо того, чтобы дополнять друг друга, как в США и Западной Европе, вошли в России в резкое столкновение. Невозможность объединения или хотя бы взаимопонимания этих враждующих в России тенденций деформировала и демократическую, и либеральную идеологию. Демократизм в России все больше принимал плебейски-разрушительный характер, а либерализм вынужден был сближаться с «охранительной» тенденцией, поддерживая «рациональные» действия русского самодержавия. С одной стороны, идеализация сначала крестьянской, затем – пролетарской массы, наделение ее всеми мыслимыми социальными добродетелями (коллективистский дух, революционная самостоятельность, освободительная миссия и т. п.); с другой – консервативное осуждение масс «образованным обществом», боязнь «черни» (т. е. фактически народа), утрата освободительного аспекта, соглашательство с самодержавием – все это во многом предопределяло характер Октябрьской (1917 г.) революции и последовавшего за ней развития событий.

Изменилась ли ситуация сегодня? С грустью приходится констатировать, что *в основном* она осталась прежней – «национализирования» демократии не произошло. Демократический идеал в

его классическом виде и сегодня отвечает культурному кругозору и потребностям достаточно узкого социального слоя – научно-технической и гуманитарной интеллигенции, людей свободных профессий (врачей, юристов, деятелей культуры и т. д.), высших слоев государственных чиновников, части менеджеров, включенных благодаря образованию и положению в систему более широких культурных отношений. Что же касается основной массы народа, то для нее слово «демократия» до сих пор расшифровывается главным образом в терминах материальной (социальной) справедливости. А как раз эта-то справедливость на первых порах была грубо растоптана реформаторами 1990-х гг. Для пришедших во власть либералов-рыночников социальная справедливость была сродни нравственному предрассудку, коренившемуся в коммунистическом прошлом. С политикой радикальных экономических перемен этот «предрассудок» не имел, по их мнению, ничего общего. Либералам 1990-х гг. повезло: за свое непонимание они отделались только потерей власти, так и не поняв, что страна благодаря их политике была подведена к краю пропасти. Новые лидеры пошли уже другим путем, сделав ставку на регулирование рынка силами государства, говоря (к сожалению, иногда только говоря) о социальной политике и социально ориентированной экономике.

Нашла ли Россия свою модель демократического развития?

Идея демократии разделяет судьбу общих, абстрактных идей, которые пережили несколько эпох, всякий раз наполняясь новым конкретным содержанием. Соответственно облик и характер демократической идеологии, задачи, решение которых она имеет в виду, могут быть поняты лишь в результате анализа специфических и сложных условий, придавших ей значимость и смысл.

Если говорить о сегодняшнем историческом этапе не только России, но и западного мира, то приходится констатировать, что вместе с ростом самодостаточности экономических процессов уменьшается активная роль специфически социальной сферы, которая все больше приспосабливается к нуждам экономическо-го социума и все менее способна к реализации гуманистических целей. В России эта глобальная тенденция проявилась в полной

победе «экономического либерализма» над либерализмом в собственном смысле этого слова, видевшем в свободе и демократии средства обеспечить всем людям полное развитие их личности, в эрозии идеи гражданственности, в «колонизации» общественного частным, в растущем безразличии людей к решению долгосрочных задач.

Что из этого следует? Прежде всего, думается, речь должна идти о модификации форм и методов борьбы за демократию.

На первый взгляд, задача демократизации существующего политического и общественного строя России кажется простой и элементарной. Однако проблема в том, что средства ее решения в конце XX – начале XXI вв. уже не могут быть простыми, а тем более элементарными. Ведь вследствие коренного изменения условий, внешних и внутренних, процессы, способные привести к построению в России демократического общества, существенно отличаются от тех, которые происходили в свое время в Западной Европе, да и в самом нашем обществе.

Когда-то демократия в ее радикальных вариантах означала доминирование народа над привилегированными классами, большинства над меньшинством; в умеренных версиях она исходила из единства всех слоев общества на базе консенсуса разных интересов. Демократическая парадигма строилась на постулате о том, что народ является высшей инстанцией и мерилом истинности всякой политической теории, что именно народ выступает субъектом истории, ее главной движущей силой, и его действия по определению носят прогрессивный характер. Предполагалось, что любой частный интерес должен в конце концов уступить место общему, народному. Возможность суммирования индивидуальностей в «общем деле», идея гражданственности не подвергались никакому сомнению – считалось, что гражданин совместно с другими гражданами в состоянии самостоятельно, без посредников определить права и обязанности, привилегии и обязательства членов соответствующего общества.

Сегодня этот комплекс демократических идей во многом устарел и не соответствует ситуации, сложившейся и на Западе, и в России. Трагический опыт осуществления в нашей стране диктатуры пролетариата (позже – «общенародного государства»), громадное разрастание функций государства и, наконец, тоталь-

ная бюрократизация управления показывает, что демократизация общества, опирающаяся только на идею гражданственности, на гражданские доблести, неизбежно терпит крах. Дело не только в том, что воспитание населения в гражданском, демократическом духе – процесс крайне длительный и трудный, особенно в современной России с ее громадными перепадами в культуре населения, разрывом между доходами «низших» и «высших» слоев, с неравным доступом к ресурсам самоутверждения личности, со слабым интересом населения к политике. Проблема конкретнее, драматичнее. Гражданственность, гражданское общество не могут появиться в России и стать основой демократии, пока новый политический режим сохраняет главные черты старого, пока существует закрытость государственной власти от общества, закрытость тотальная, порождающая коррупцию и громадные злоупотребления. Как никогда, сегодня становится ясным, что бюрократия в России – это не просто волокита, некомпетентность, взятки, это еще произвол, насилие над личностью, узурпация ее гражданских прав. Полтора миллиона вопросов, заданных В.Путину, – это не столько свидетельство демократизма власти, стремления её не терять связи с народом, сколько индикатор неготовности (нежелания) громадного бюрократического аппарата исполнять вмененные ему законом обязанности, соблюдать Конституцию страны и права граждан.

Всесилие бюрократии, коррумпированной и некоррумпированной, но всегда неподконтрольной, произвол чиновников, «избирательное правосудие» стали сегодня основным препятствием демократизации России, возьмем ли мы экономику (средний и мелкий бизнес), местное самоуправление, отношения между регионами и центром, соблюдение федеральных законов и установлений, социальную защиту слабейших слоев населения, сферу отношений собственности и т. п. Взятка, «откат», умение «вертеться», способность угадать, что хочет начальство, до сих пор являются нормой поведения российского чиновника, нормой, которая создает невыносимые условия для всякого честного человека, работающего в государственном аппарате. Под разлагающим воздействием этих факторов падает интерес населения к политике, к выборам, рушатся политические убеждения, сокращается участие людей в мероприятиях, издавна считавшихся политическими. Когда человек полностью бесправен перед любым «блустителем порядка»,

который может его оскорбить, ограбить и даже избить, когда закон трактуется в зависимости от имущественного или должностного положения гражданина, когда государство не может справиться с преступностью, у людей возникает ощущение бессилия, расширяется пропасть между частным и общественным, и частные проблемы перестают переводиться на язык общественных.

Иногда говорят, что демократия изжила себя. И это в стране, которой еще предстоит демократизироваться – в «массовом, низовом» творчестве, в «изобретении» новых политических институтов, одновременно привычных и непривычных, но сопряженных с традициями, нравами миллионов россиян; в стране, которая еще не нашла свою модель интегрального развития, в т. ч. политического. В российской модели демократии должно найти отражение всё присущее нашему отечеству разнообразие, все характерные для него различия в местных условиях, исторических судьбах народов, их культуре и вероисповедании, в труде, собственности и т. д. «Страна стран», какой является Россия, самим ходом истории поставлена перед необходимостью практически одновременно решать исторически и социально разнородные задачи, относящиеся к разным эпохам: сохранить целостность страны, согласуя с новыми требованиями быт, нравы, уклад жизни миллионов людей, принадлежащих к разным культурам, конфессиям; привить им – именно привить, а не навязать – современный способ правления, либеральный и одновременно демократический; объединить народы России не только административно, бюрократически, но через экономические связи, через товарное производство и рынок, выгодные не криминальным кланам, а непосредственным производителям; создать нацию-государство, что требует радикального расширения кругозора как масс, так и политических элит; наконец, выработать принципиальный подход центральной власти к проблемам регионов, включая русские, – лишь тогда федерализм как демократический институт наполнится реальным содержанием.

В России невозможно сформировать демократию как унифицированный мир. Ее демократический режим должен опираться на общество, где, по выражению Фейерабенда, все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти. Иного ей, по-видимому, не дано. К тому же учет разнообразия – это сегодня еще и ресурс демократических преобразований. Он уменьшает напря-

женность и социальные затраты, создает богатую самостоятельную жизнь в интегрированном целом. Россия всегда была разной. Она и в будущем останется разной – различными мирами в общем российском мире. А это невозможно без всестороннего развития демократии, без создания и, главное, опробования новых институтов и новых стратегий.

Есть еще одна важная сторона демократизации России, о которой часто забывают. Дело в том, что Россия вступила на путь модернизации своей политической системы в существенно иных, чем в других странах, условиях всемирно-исторического развития. С одной стороны, перед ней исторический опыт народов и стран, ушедших вперед, который она обязана усвоить и переработать при строительстве нового демократического строя. С другой – совершенно новая обстановка в мире, которой не существовало в эпоху зарождения европейской и североамериканской демократий (глобальный мир, развитие средств коммуникации, значение науки в производстве и т. п.). Эти «ножницы» в уровнях и характере политического развития вряд ли удастся устранить последовательным прохождением стадий, которые были пройдены в свое время передовыми странами, – история определенно не предоставляет России такой возможности. Выход из ситуации один – новые формы и порядок демократического развития, «выпрямление» (хотя это термин весьма неточен) нашего исторического пути. Актуальность данной проблемы требует от нас более глубокого, чем ранее, проникновения в процесс вызревания нового в политической практике, в его условия и альтернативные возможности.

Часто говорят о незрелости демократии в России, полагая при этом, что она постепенно будет совершенствоваться, накапливать опыт, интегрируясь шаг за шагом в общее русло всемирно-исторического движения. Разумеется, элементы незрелости нашей демократии налицо, их трудно не заметить. Но нельзя забывать и другое: перед российской демократией стоят иные, чем в свое время на Западе, проблемы, отчасти порожденные историей страны, отчасти – и это очень важно – новыми условиями современного мира. Другими словами, российское общество нуждается не «просто» в демократии, а в *современной демократии*, отвечающей вызовам и проблемам общества XXI в. Абсолютизация какой-либо одной полосы демократического развития (либеральной демо-

кратии, например) способна сегодня привести к опасной слепоте относительно возможностей, открывающихся на иной почве, чем та, на которой возникала классическая демократия – в борьбе с монополистическим и олигархическим капиталом; возможностей, способных привести к обновлению и оздоровлению политической жизни в стране. Вспомним хотя бы Новый курс Ф.Д.Рузвельта.

Последний момент особенно важен для освобождения демократии от вульгарно-буржуазного толкования этого понятия. Дело в том, что современная демократия – нечто иное, неизмеримо более богатое, чем власть политических партий, избираемых на условиях «свободной конкуренции» (Й.Шумпетер). Она должна включать в себя совокупность условий и средств, необходимых для политической деятельности рядовых граждан, их организаций, для сотрудничества власти с ними. «Продвинутая» часть общества начинает отдавать себе отчет в том, что выбор депутатов без возможности влиять на них – практика «обычной» парламентской демократии – в России явно пробуксовывает...

Опыт нашей страны еще раз подтверждает ту истину, что для создания эффективной демократии недостаточно завоевания ее сторонниками командных высот в государстве и создания по образцу передовых стран политических институтов. Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем. Импульсы «сверху» должны подкрепляться импульсами «снизу». А это предполагает ряд условий и прежде всего подъем масс, моральный и материальный, не говоря уже о политическом, – тех самых масс, которые «ныне так же, как и издревле» ощущают себя забытыми, задавленными, отодвинутыми на обочину жизни произволом власть предержащих, бедностью, неуверенностью в завтрашнем дне, отсутствием перспективы. Это предполагает также решимость властных структур, шире – российского общества укоренить в стране важнейшее завоевание современной западной демократии – *прогрессивную шкалу налогообложения*. В странах Западной Европы и США прогрессивный налог был завоеван в упорной борьбе усилиями демократических и социалистических движений, профсоюзов, части господствующего класса. Там поняли, что вопиющее экономическое неравенство не только ведет к неравенству в возможностях, в доступе к власти и способности влиять на нее, но и способно вызвать паралич демократических институтов, эро-

зию всего государственного управления обществом. «Там», но не у нас. Российское «социальное государство» (так записано в Конституции) постепенно перекладывает тяжесть расходов по развитию образования и здравоохранения на плечи населения. Пропасть между богатыми и бедными углубляется. Медицина для богатых уже стала фактом нашей общественной жизни. Недалек день, когда появится образование для богатых и образование для бедных.

Русский народ до сих пор равнодушен к либеральным и демократическим ценностям просто-напросто потому, что демократический режим в том виде, в котором он существует сегодня, не решил стоящих перед страной проблем. В самом деле, как объяснить рядовому человеку, почему страна до сих пор «сидит на нефтяной игле»? В силу каких причин не обновляется или обновляется очень медленно технологическая база нашей промышленности? Почему Россия стоит на третьем месте в мире по числу миллиардеров и одновременно плетется где-то в хвосте (если брать цивилизованные страны) по уровню жизни населения? Способна ли страна когда-нибудь покончить с жилищным вопросом, от которого целиком зависит мобильность населения? Почему слово «русский» ассоциируется в Европе с безудержным потребительством, разгулом, мотовством? Дело здесь, разумеется, не в широкой «русской душе», а в присвоении определенным, узким слоем людей несправедливо приобретенного богатства. Этот слой людей не спешит вкладывать свои средства в производство. Как было нажито, так и проживается... Власть по сей день не решается предать суду высокопоставленных коррупционеров и расхитителей, наказывая «стрелочников», а иногда и вообще невиновных людей. Трудно себе представить, что должно произойти, чтобы в «верхах» решили всерьез разобраться в том, какие бонусы выплачивают себе банкиры, спасшиеся от краха благодаря вливаниям государственных средств, на какие деньги чиновники с их скромной заработной платой строят себе особняки и дачи в России и за рубежом стоимостью в миллионы долларов и т. д., и т. п.

Читатель резонно может спросить, почему, рассуждая о демократическом выборе России, мы слишком часто говорим о проблемах государственной власти, а не обсуждаем, скажем, вопросы о положении оппозиции, практике федеральных и региональных выборов, представительстве разных партий в СМИ и т. п. Да по-

тому, что в России не сформировалось настоящее гражданское общество, с мнением которого власть всерьез была бы вынуждена считаться, потому что политические партии, за исключением правящей, слабы, потому что население России до сих пор верит в патерналистскую природу государства. Потому, что российский бизнес не собирается пока вкладываться в «умную экономику» (Д.Медведев), предпочитая протоптанные пути. И, наконец, главное. Необходимость действовать по-новому, не дожидаясь, пока созреют заинтересованные в переменах общественные силы, придает сегодня государственной власти колоссальный исторический ресурс – зачинателя и главного орудия модернизационных преобразований. В этих условиях становится неотложной задача *воспитания* власти обществом и партиями, общественным мнением, наконец. Конечно, эта задача сродни мюнхаузенской: тот вытаскивал себя из болота за волосы. И тем не менее история знает такие примеры. Задачу такого рода придется шаг за шагом решать и России, ее государству и гражданам. Своеволие бюрократического монстра должно быть обуздано, в противном случае об экономическом прогрессе страны, о демократическом развитии нечего и говорить. Окажутся ли способными российская власть и российское общество подняться на уровень этой исторической задачи – вопрос не простой, ответ на него даст только жизнь.

И последнее. Демократия, тем более в такой стране, как Россия, не может сложиться за один раз: слишком сильны традиции имперского государства. Потребуется еще немало времени и усилий, прежде чем мы выработаем политику, которая сможет называться демократической. Она не станет панацеей от всех российских бед и болезней, но какие-то важные исторические узлы, несомненно, развяжет. В этой связи одним из наиболее актуальных проблем политического развития России является *вопрос о лидере*, о взаимоотношении между ним и доверяющей ему массой людей. Эту проблему, как представляется, наиболее точно сформулировал историк М.Гефтер. Вот его слова: «Мы требуем от лидера риска доверия, но и сами рискуем заблуждаться. Мы рассчитываем на подконтрольность “человека у кнопки”, но как придет она к нему и к нам? Только как открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Ли-

дер – не просто политик: он обязан уметь и не быть политиком, взнуздывать злобу дня, открывая ход иным голосам и мотивам. Мир вне политических связей между людьми, выступая оппонентом политики, может выработать новую мыслительную культуру, новую естественность человеческих контактов, выработать альтернативы привычному существованию. И лидер призван импонировать всему этому разнообразию, придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус»⁵. Трудно соответствовать этим требованиям, трудно, но необходимо, если иметь в виду демократическую перспективу России и, главное, бороться за нее.

Сумел ли ответить автор на вопросы, вынесенные в заголовок, судить не ему, а читателю, если, конечно, тот даст себе труд ознакомиться со статьей.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. VII. М., 1939–1950. С. 402.
- ² Там же.
- ³ Грамиш А. Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 291.
- ⁴ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 216.
- ⁵ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 455.